

УДК 165

ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Р. Н. ДОЖДИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет,
пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Предпринята попытка применить методологические принципы классификации обыденного познания В. С. Стёпина к анализу современного состояния когнитивной социализации. Проанализировано программирующее воздействие обыденного познания на характер восприятия научного и псевдонаучного знания на основе использования статистического материала, полученного в результате письменного опроса студентов. Выявлены некоторые проблемы современного школьного образования, пропаганды науки и распространения псевдонауки. Сделан вывод о том, что обыденное познание является своеобразным индикатором когнитивной социализации, уровня освоения и фиксации научных достижений.

Ключевые слова: обыденное познание; программы общения, поведения и деятельности; социализация; житейские эталонные образцы; образование; наука; псевдонаука.

Благодарность. Выражаю благодарность профессору Л. М. Томильчику за плодотворное обсуждение проблем, затронутых в данной статье.

EVERYDAY COGNITION AND SOME PROBLEMS OF COGNITIVE SOCIALIZATION

R. N. DOZHDIKOVA^a

^aBelarusian State Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

The author has attempted to apply V. S. Stepin's methodological principles of classifying the notion of «everyday cognition» to the analysis of the contemporary state of cognitive socialization. The programming impact of everyday cognition on the character of perceiving scientific and pseudo-scientific knowledge on the basis of using statistical data obtained from the students' questionnaires is analyzed. Certain problems of contemporary school education, as well as propaganda of science and criticism of pseudo-science are explicated. The author comes to the conclusion that everyday cognition can serve as a specific indicator cognitive socialization, the level of assimilating and fixing scientific achievements.

Key words: everyday cognition; programmes of communication, behavior and activity; habitual standard patterns; socialization; education; science; pseudo-science.

Acknowledgements. I wish to express my gratitude to Professor L. M. Tomilchik for his sincere interest in my research and valuable advice that helped improve this article.

Образец цитирования:

Дождикова Р. Н. Обыденное познание и некоторые проблемы когнитивной социализации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 30–40.

For citation:

Dozhdikova R. N. Everyday cognition and some problems of cognitive socialization. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 30–40 (in Russ.).

Автор:

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философских учений факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Raisa N. Dozhdikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophical studies, faculty of management technologies and humanization. dozhdikova@inbox.ru

Введение

Проблема обыденного (массового) познания актуализируется на современном этапе развития постиндустриального общества в связи с возрастанием активности масс в социокультурной и политической сферах (об этом писал еще Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс») и появлением возможности манипулирования массами в политической борьбе («арабская весна») через интернет и мобильную связь. Кроме того, исследование процесса обыденного познания вскрывает алгоритмы когнитивной социализации, воспроизводства общественной жизни. В социальном познании происходит постоянная циркуляция смыслов и правил от житейской фи-

лософии, морали, религии, повседневной политики, права, искусства и преднаучных знаний к их специализированным формам, а затем протекает процесс адаптации идеалов и норм научного познания к существующим идеалам и нормам обыденного познания – с соответствующей их коррекцией [1, с. 34].

Данная работа написана в целях диагностики современного состояния когнитивной социализации, выявления уровня дезориентирующего воздействия на молодежь, прежде всего студенческую, псевдонауки и различных архаических форм сознания (магия, астрология) и, как следствие, неадекватной интерпретации научных достижений.

Методологические предпосылки исследования

В фундаментальном исследовании «Анализ повседневности» И. Т. Касавин подчеркивает, что «повседневность как познание выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы» [2, с. 414]. Для нашего исследования методологически важным является рассмотрение обыденного познания как процесса когнитивной социализации, имеющего глубинные архетипические корни и основания, а также как «способа усвоения и фиксации творческих достижений» [2, с. 414].

Методологические установки, необходимые для определения специфики обыденного познания, мы находим также в работах В. С. Стёпина, который в своей знаменитой книге «Теоретическое знание» предлагает следующие принципы классификации научного и обыденного познания: по предмету, средствам, продукту, методам и субъекту деятельности. Действительно, обыденное познание отражает только те **объекты**, которые формируются в обыденной практике и могут быть преобразованы лишь «в наличных исторически сложившихся способах и видах практического действия» [3, с. 46]. Объект обыденного познания меняется под воздействием активного вторжения в жизненный мир человека виртуальной и технической реальности [4, с. 9], происходит его расширение и переформатирование.

Средством обыденного познания является обыденный язык, в котором понятия многозначны, а их точный смысл «обнаруживается лишь в контексте языкового общения, контролируемого повседневным опытом» [3, с. 46]. Данное средство обыденного познания служит лишь «для описания и предвидения объектов, вплетенных в наличную практику человека» [3, с. 46]. Существуют прямые и обратные связи между повседневным и научным языком. Так, язык науки может оказывать обратное воздействие на повседневный язык, в результате чего, например, термины, которые первоначально

были специфически научными (*электричество, холодильник, компьютер*), прочно вошли в современный обыденный язык. Кроме того, средства, применяемые на производстве и в быту, отличаются по своему характеру от специальной научной аппаратуры. Модификация средств обыденного познания происходит под влиянием внедрения в жизненный мир человека виртуальной и новой технической реальности, о чем говорил В. А. Лекторский на заседании круглого стола «“Реалистический поворот” в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки?» [4, с. 9]. Поэтому привычно-обиходными становятся слова, имевшие ранее специализированное применение, например *алгоритм, интернет, перезагрузка, социальные сети*. Появляются и новые, в том числе сленговые, слова: *мобильник, смайлик, киборг, юзер, комп, мыло (e-mail)* и т. д. По нашему мнению, анализ модифицированных средств обыденного познания (повседневного языка) поможет диагностировать изменения в мышлении и образе жизни субъекта обыденного познания.

Продукт обыденного стихийно-эмпирического познания не является систематизированным, он включает в себя «конгломерат сведений, предписаний, рецептур деятельности и поведения, накопленных на протяжении исторического развития обыденного опыта» [3, с. 47], достоверность которых устанавливается ситуационно, благодаря непосредственному применению в наличных ситуациях производственной и повседневной практики. Примеры, т. е. **методы**, посредством которых объекты обыденного познания выделяются и фиксируются в качестве предмета познания, вплетены в обыденный опыт и, как правило, не осознаются субъектом в качестве метода познания. **Субъекту обыденного познания** не требуется особой специальной подготовки, вернее, «она осуществляется автоматически, в процессе социализации индивида, когда у него

формируется и развивается мышление в процессе общения с культурой, и включения индивида в различные сферы деятельности» [3, с. 49–50]. Под влиянием новой технической и виртуальной реальности продукт обыденного познания (рецепты деятельности и поведения), его приемы и методы рассматриваются современными исследователями (М. Минским, И. Гофманом) как фреймы, процедурные знания, аналог фреймов для искусственного интеллекта. «По образу и подобию машины» меняется и упрощается субъект обыденного познания, интеллектуальный багаж и кругозор которого сужаются вследствие постепенной утраты интереса к книжной культуре и формирования клипового мышления.

В своем анализе концепции жизненного мира Э. Гуссерля, ссылаясь на исследования Н. В. Мотрошиловой, В. С. Стёпин подчеркивает, что этот термин обозначает многообразие человеческого опыта, и прежде всего до-теоретический, повседневный опыт. Жизненный мир – это не окружающая нас природная и социальная среда, а их понимание, переживание и осмысление людьми [5, с. 104]. Исходя из данной методологической установки можно сказать, что обыденное познание – это до-теоретический, повседневный опыт, переживание, понимание и осмысление человеком окружающей природной и социальной среды, своего жизненного мира.

Культуру В. С. Стёпин рассматривает как систему «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [5, с. 33]. Взаимосвязь мировоззренческих универсалий культуры образует обыденную картину человеческого мира, или «мировоззрение эпохи», по терминологии В. С. Стёпина. Такая «обобщенная картина человеческого мира» вводит «определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому определяет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком» [5, с. 63]. Исходя из концепции культуры В. С. Стёпина и рассмотрения нами обыденного познания как ключевого фактора воспроизводства общественной жизни, можно сделать вывод о том, что не только научное, но и прежде всего обыденное познание – это освоение надбиологических программ общения, поведения и действия, характерных для культуры и той или иной субкультурной (например, национальной, конфессиональной) прослойки данного общества. Эти программы включают в себя предписания, нормы, навыки, идеалы, образцы деятельности и поведения, идеи, верования, цели и ценностные ориентации, которые в своей совокупности образуют постоянно развиваемый социальный опыт: «Этот

опыт рубрицируется соответственно смыслам универсалий культуры и стягивается в своеобразные кластеры. Благодаря такой “категориальной упаковке” он включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку от одного поколения к другому» [5, с. 63].

Таким образом, благодаря категорической упаковке социального опыта в процессе обыденного познания происходит его усвоение и трансляция стереотипов мышления и деятельности, шаблонов поведения, социальных кодов общения, например «золотого правила» нравственности. Субъект обыденного познания постигает мировоззренческие категории, например добро и справедливость, как специфические стандарты поведения, деятельности и общения, типичные формы жизнедеятельности в сфере труда, быта и досуга, т. е. как определенный социальный образ жизни: «Смыслы универсалий выступают в качестве особого рода глубинных программ, которые предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов поведения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации» [5, с. 57]. Мировоззренческие универсалии через систему воспитания, образования, приобретения знаний и умений влияют на ценностно-целевые установки и смысложизненные ориентиры конкретного человека, определяют характер его социализации, картину мира, отношение к науке, а также образ жизни [6, с. 37]. В процессе освоения этих глубинных программ и культурных традиций через механизм обыденного познания и происходит воспроизводство общественной жизни. Таким образом, механизм обыденного познания вскрывает алгоритмы социализации, социального наследования.

Идеалы и нормы деятельности, поведения и общения как определенные «схемы метода» (В. С. Стёпин) можно рассматривать и в качестве своего рода процедурных знаний, «знаний как», или фреймов, своеобразных технологий обыденного познания [7, с. 63]. Создатель теории фреймов, М. Минский, подразделявший их на статические (или просто фреймы) и динамические (сценарии) определял, что «фрейм является структурой для представления стереотипной информации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья – что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся» [8, с. 7]. Обыденное познание помогает человеку ориентироваться и действовать в окружающем мире, который становится все более многофакторным, поэтому роль и значение обыденного познания в современном постиндустриальном обществе нельзя недооценивать.

Обыденное познание: *pro et contra*

У обыденного познания есть свои преимущества перед иными формами социального познания. Оно включает в себя тот опыт и то знание жизни, которого нет, например, в научном познании, но которое составляет важное условие и предпосылку для достижения жизненного успеха и счастья. Есть вещи, которые определенно находятся вне компетенции науки, но тем не менее касаются многих важных в житейском обиходе вопросов. Так, житейский опыт, обыденное знание «знает» то, о чем и не подозревает научное: например, как выбрать себе спутника жизни либо как разобраться в людях, чтобы не допускать ошибочного выбора решений в процессе социального общения.

Целый кластер житейской мудрости и здравого смысла заключен также в пословицах и поговорках, которые, как и богатый арсенал жизненного опыта, имплицитно включены в обыденное познание и являются основой повседневной интуиции. Народная мудрость в форме поговорок и пословиц (по определению В. И. Даля, «ходячего ума народа»), а также примет содержит в себе многократно проверенные выводы, советы, предупреждения, предположения, прогнозы, шаблоны поведения и стереотипы мышления применительно к конкретной наличной ситуации. Поведенческие и ментальные схематизмы, основанные на ценностях труда, жизни и учения (*век живи – век учись*), приоритета добра, диалектики «худа» и «добра» (*нет худа без добра*), опыте коммуникаций (*не имей сто рублей, а имей сто друзей*), ценностях ума, юмора и диалога (*ум – хорошо, а два – лучше*), уважительном отношении к природе-матушке и земле-кормилице, учат ответственности за любое свое действие, в том числе познавательное и коммуникативное (*как аукнется, так и откликнется*), содержат образцы решения практических и познавательных задач (*без труда не вытащишь и рыбки из пруда*), правила принятия обдуманных решений (*семь раз отмерь – один раз отрежь*), а также запреты (*не навреди; не плюй в колодец; не зная броду, не суйся в воду*) [1, с. 36].

Следует помнить, однако, об определенной двойственности, внутренней противоречивости обыденного познания. С одной стороны, ему присущи здравый смысл и житейская мудрость, а с другой – остаточные формы мифологического мировосприятия (суеверия, предрассудки и т. п.), внерациональные и иррациональные формы мировосприятия. Так, Е. В. Золотухина-Аболина в своей статье «Здравый смысл и иррациональное» подчеркивает полярность обыденного сознания, которое не сводится к своей рациональной составляющей, а в значительной степени является «пространством для расцвета многообразных внерациональных и иррациональных форм мировосприятия» [9, с. 188].

В свое время В. С. Стёпин обратил внимание на то, что обыденное познание «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [10, с. 3]. Как нам представляется, глубокая продуктивность данного тезиса особенно заметно проявляется в ситуациях, когда информация о научном знании проецируется на житейское понимание. В высшей степени поучителен в этом плане пример реакции широкой общественности в 2012 г. на выдающееся научно-техническое достижение нашего столетия – запуск Большого адронного коллайдера (БАК), при котором было получено рекордно высокое для земных условий значение энергии сталкивающихся протонов. Естественно, такое сенсационное событие широко освещалось в мировых СМИ. В одном из многочисленных интервью специалистов представителям СМИ прозвучало утверждение о том, что в БАК воспроизведены условия, которые существовали во Вселенной спустя одну триллионную (т. е. одну миллионную одной миллионной) долю секунды после Большого взрыва. Сказано это было в пропагандистско-популяризаторской манере и с единственным желанием подчеркнуть огромную значимость достижения. При этом интервьюируемый специалист в своем высказывании ни на йоту не погрешил против научной истины. Однако, как писал еще Ф. Тютчев, *нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...*

Реакция общественности на подобное заявление легко предсказуема, если принять во внимание особенности восприятия этой информации типовым носителем обыденного сознания. Он наверняка слышал о том, что Вселенная возникла в результате Большого взрыва, но жизненно значимые для него промежутки времени – это год, месяц, день, час, минута, секунда, иногда – ее десятая. Поэтому триллионная доля секунды для обывателя фактически звучит – как «в тот же момент», или «непосредственно около». Естественное следствие подобного восприятия – шок в массовом сознании, вплоть до требований прекратить работу БАК, поскольку его существование связано с риском взорвать всю планету.

В действительности интервьюируемый специалист имел в виду не время как таковое, а энергию. В физике высоких энергий временные промежутки приходится определять способом, кардинально отличным от общежитейского. Фактически здесь речь идет о сопоставлении определенных энергетических масштабов. Достигнутые в БАК энергии, хотя и рекордно высоки для «рукотворных» протонных пучков, все еще несоизмеримо малы по сравнению с характерной энергией Большого взрыва. Так что ни малейшей угрозы для Земли в целом работа БАК не представляет. Разумеется, все эти профессиональные детали были известны интервьюи-

руемому специалисту, однако для обывателя они представляются тайной за семью печатями. Так возникает характерный «эффект неверно понятой истины». Приведенный пример является хорошей

иллюстрацией к известному тонкому афоризму американского философа и психолога В. Джеймса: «Нет лжи худшей, чем истина, ложно истолковываемая» [11, с. 286].

Проблемы интерпретации научно-технической информации

При доведении до общественного сознания информации о научно-технических достижениях важно учитывать психологию восприятия обывателя – субъекта обыденного познания. Психология восприятия индивида определяется наличием «своих» эталонных образцов, в рамках которых происходит восприятие информации, а также оценка ее значимости и адекватности. Естественно, комплект таких эталонов, имеющихся в распоряжении ученого, резко отличается от используемого обычным человеком.

Особенности механизма восприятия информации в обыденном познании обусловлены недостаточной эксплицированностью житейских эталонных образцов, их неосознанностью. В физике, например, эталонные образцы, во-первых, строго заданы, во-вторых, приведены в систему. То и другое в обыденном познании, а значит и в общественном сознании, отсутствует. Тем не менее можно попытаться эксплицировать и структурировать то, что в обыденном познании существует в неявной либо метафорической форме:

- 1) количественные эталонные образцы (*много – мало, большое – малое*);
- 2) качественные эталонные образцы:
 - а) гносеологические (*правда – ложь, адекватно – неадекватно*);
 - б) праксеологические (*мастер на все руки – мастер-ломастер, золотые руки – дырявые руки*);
 - в) аксиологические (*хорошо – плохо, добро – зло*);
- 3) эталонные образцы меры (*золотая середина, ни много ни мало*).

В настоящей работе не ставится задача подробно обсуждать подобную систематизацию. Однако с образцами, относящимися к первому типу, ситуация достаточно очевидна. Разделение на понятия *большое – малое* фактически разрешается в рамках принципа «все познается в сравнении». Сравнительная оценка той или иной величины обязательно предполагает сопоставление (в обыденном познании, как правило, оно происходит подсознательно) с некоторым эталоном (единицей измерения). Например, секунда – это много или мало? Для бегуна на стометровку – очень много. По сравнению с продолжительностью рабочего дня – ничтожно мало. Перечень примеров подобного рода легко продолжить.

Отсутствие в настоящее время должной пропаганды науки и конфессиональной культуры обобщается суеверием и невежеством, происходит

подмена социокультурных ценностей, их дезинтеграция. Ситуация усугубляется агрессивной рекламой в СМИ не только псевдонаучных знаний (астрологии, уфологии и др.), но и деятельности так называемых экстрасенсов, колдунов и ведьм. Подобное программирование обыденного сознания порождает возможность опасного манипулирования индивидом. Проблема заключается в том, что зачастую в поисках интерпретации и применения полученного знания субъект обыденного познания опирается на мифологизированные представления и предрассудки, в том числе псевдонаучные.

Для диагностики «состояния здоровья» общества необходим регулярный мониторинг общественного сознания, оценка его особенностей, установок и возникающих проблем. Учет амбивалентности процесса обыденного познания и, соответственно, общественного сознания необходим не только в контексте существующих глобальных кризисов и рисков, но и в плане современных реалий в целом. Данная черта обыденного познания может служить своего рода индикатором проблем в сферах культуры, образования и воспитания, а также рисков, связанных с возрастающим влиянием СМИ на процесс социализации в современных условиях, что особенно актуально в настоящее время. Вот что говорит В. С. Стёпин об актуальности данной проблемы: «Сегодня под влиянием СМИ и интернета у массы людей формируется так называемое клиповое мышление, когда мелькает калейдоскоп образов, не связанных никакой логикой и не имеющих рационального обоснования. “Клиповое мышление” является распространенной формой обыденного сознания. В нем легко сопрягаются и рядоплагаются логически несовместимые утверждения. И его перенос в науку и философию создает дополнительные трудности для усвоения идеалов и норм, обеспечивающих рост знания в этих областях» [12, с. 64]. Как отмечал К. В. Ушинский, фантазировать легко, а мыслить тяжело [5, с. 188].

Отсутствие глубоких знаний, четкой доказательной базы, способности логически анализировать знания, факты и мнения ведет к опасной приверженности обывателей мистике, магии, порождает доверие к носителям иррационального начала, открывает широкие возможности манипулирования людьми, их зомбирования и программирования на действия, заведомо опасные как для их жизни и здоровья, так и для будущего всего общества.

В связи с тем, что «в жизненный мир человека активно вторгаются виртуальная и техническая

реальность» [4, с. 9], на смену письменной культуре постепенно приходит культура пиктограмм: уже неудивительно, что в письме вместо слов признательности или благодарности можно получить смайлик, а вместо слов любви – символическое изображение сердца. Привычка постоянно сокращать слова в отправляемых через интернет сообщениях автоматически ведет к тому, что такие сокращения появляются и в разговорной речи, деградирует «речевое мышление» (Л. С. Выготский), утрачивается «роскошь человеческого общения» (А. де Сент-Экзюпери), расширяются возможности «нового варварства» (Н. В. Мотрошилова).

Увлечение фэнтэзи, мистикой, а также погружением в виртуальную реальность еще не сформировавшейся личности фактически представляют собой уход от действительности (бегство от реальности, существующих проблем, рисков и угроз), приво-

дит к инфантильности, искаженному восприятию реальности и прямым психическим отклонениям: ««клиповое мышление» делает людей очень восприимчивыми ко всяким чудесам, тайнам и т. д. Люди верят во что угодно» [5, с. 188]. Так, в США вера в НЛО стало своего рода разновидностью религии.

Страдает и качество образования. Школьники и студенты, активно использующие технические новшества, популярные гаджеты, не имеют представления о том, какие научные факты и принципы лежат в основе создания технологий, что способствует в конечном счете формированию искаженного «образа науки» как в индивидуальном, так и в общественном сознании. В итоге уровни знания и осознания у субъекта обыденного познания, как правило, не совпадают, и обыватель фактически не имеет представления о том, что по его мнению, он «знает», например, что такое наука, закон, истина и т. д.

Когнитивная социализация и псевдонаука

Для оценки современного состояния обыденного познания и качества знаний нами был проведен частный, но оказавшийся очень показательным, письменный опрос группы студентов 2-го курса технического учреждения высшего образования (УВО). Всего в опросе участвовали 62 человека. Это немного для далеко идущих обобщений, но уже данная выборка выявила некоторые специфические особенности обыденного познания. Нас интересовал срез более «продвинутой» молодежи, ибо соотношение научных и псевдонаучных представлений у них и молодых людей, не являющихся студентами технического УВО, разумеется, различен. Понятно, что степень псевдонаучности представлений у людей средней и низкой грамотности выше, чем у студентов. На наш взгляд, важным и интересным является сравнение данных результатов с результатами опроса студентов гуманитарных специальностей для выявления общих и особых тенденций в образовании. Можно априори предположить, что студенты-гуманитарии покажут иные результаты по сравнению со студентами технических УВО.

В процессе проведенного «малого мониторинга знаний» студентам были заданы десять вопросов. Из них пять касались псевдонауки (астрологии, магии, паранормальных явлений), три вопроса были связаны с проблемой религии (отношение к религии, значение религии в обществе, свобода совести), два затрагивали собственно научные положения.

Приведем количественные результаты опроса. На вопрос: «Верите ли Вы гороскопам?» – 56 студентов (90 %) ответили отрицательно, 3 (5 %) – утвердительно, 3 студента (5 %) выбрали ответ «иногда». На вопрос: «Верите ли Вы в сглаз?» – 46 студентов (74 %) ответили «нет», 11 (18 %) – «да», 4 (6 %) –

«иногда». На вопрос: «Верите ли Вы в магию?» – 13 студентов (21 %) ответили утвердительно, 49 (79 %) – отрицательно. В колдунов верят 12 студентов (20 %), 50 (80 %) – не верят. Экстрасенсам не доверяют 52 студента (84 %), 10 опрошенных (16 %) верят им. Подобные результаты свидетельствуют не только о неожиданно высоком уровне инфантильности (детской вере в волшебников и магов) опрашиваемого контингента, но и о недостаточном наличии современных научных мировоззренческих установок. «Свято место пусто не бывает», и при отсутствии четкого научного мировоззрения его заменяют внерациональные формы мировосприятия, которые имеют порой глубинные архетипические корни и основания, а не просто являются проявлением невежества.

Полученные результаты свидетельствуют о явных пробелах в школьном образовании, а также в процессе когнитивной социализации ряда участников опроса. В этом плане показателен ответ на вопрос: «Знаете ли Вы, что такое свобода совести?» – на который 42 студента (68 %) ответили «нет» и лишь 20 (32 %) – «да». Верующими позиционировали себя 29 студентов (47 %). Нейтрально (толерантно) к религии относятся 19 участников опроса (30 %). Два студента (3 %) ответили: «и да, и нет»; «частично». Отрицательно относятся к религии 11 студентов (18 %), один студент (2 %) отметил, что ему «трудно ответить». Позитивное значение религии в обществе отмечают 28 студентов (45 %), негативное – 13 (21 %), в нынешнем виде негативно – 1 (2 %), двойное («50 на 50», «смотря где») – 5 (8 %). Такие «разбросы» в ответах во многом обусловлены отсутствием должной пропаганды конфессиональной культуры и межконфессиональных отношений, что, по нашему мнению, связано с явным дефицитом радио- и телепередач, в которых данные вопро-

сы обсуждались бы в доступной форме и на профессиональном уровне. Следствием такой ситуации является то, что средний современный студент выглядит дезориентированным.

Тем не менее 45 % студентов позитивно оценивают роль религии в обществе. Некоторые поясняют свои оценки ссылками на то, что «религия устанавливает правила в жизни», «это важная часть жизни общества», «влияние религии сдерживающее, положительное», «без религии общество было бы аморальным». Важную регулятивную роль религии в обществе подчеркивают и большая часть студентов-атеистов.

Из 13 студентов, негативно оценивших значение религии, один пояснил, что религия – «устаревший фактор управления массами». Двое студентов, вспомнив марксистскую оценку религии, назвали ее «опиумом для народа», упуская из виду, что опиум может применяться не только «для одурманивания масс», но и в качестве болеутоляющего средства.

Неожиданно оказалось, что 17 студентов-атеистов верят в сглаз, магию, астрологию и доверяют экстрасенсам. Среди опрашиваемых был один студент, который доверяет гороскопам, верит в сглаз, магию, колдунов, экстрасенсов, не верит в Бога и, негативно оценивая значение религии в обществе, не ответил вообще ничего на вопрос о научных идеях и теориях, лежащих в основе современных технических новинок. Это любопытный и, к счастью, единственный пример того, как атеизм может сочетаться с предрассудками, суевериями и невежеством. Подобные факты позволяют сделать вывод о необходимости диалога науки и религии в целях борьбы с их общим врагом – псевдонаукой, различными проявлениями язычества и суеверий.

Настороженность вызывают ответы на вопрос о том, какие научные идеи (теории) лежат в основе современных гаджетов (мобильных телефонов, компьютеров, плазменных телевизоров). Всего 14 студентов (23 %) попытались назвать какие-то законы физики, из них только трое (5 %) ответили приблизительно верно, а 48 студентов (77 %) не ответили ничего или признались, что не знают ответа (5 человек из 48). Три студента – это непростительно мало, такие результаты говорят о наличии серьезных просчетов в физико-математической составляющей школьного образования. Важно подчеркнуть, что опрашивались студенты, еще в школе ориентированные на естественно-научные и технические дисциплины. Следовало бы ожидать, что студенты избранного ими профильного УВО проявят лучшее знание физики и более глубокое понимание теоретических основ техники.

Интересно, что большая часть студентов, пытавшихся правильно ответить на вопрос о научных идеях, положительно и толерантно относятся к религии (и ее роли в обществе). С другой стороны,

два студента (3 %), назвавших религию «опиумом для народа», не ответили на вопрос, касающийся научных идей, один из них даже утверждал, что Солнце движется вокруг Земли. Таким образом, можно констатировать, что атеизм иногда сопровождается отсутствием адекватных научных представлений.

Большинство участников опроса – 43 студента (69 %) – придерживаются гелиоцентрической модели мира, но все же немалая часть опрошенных – 19 студентов (31 %) – являются сторонниками геоцентрической системы. Некоторые из них ссылаются при этом на теорию относительности или дают следующие ответы: «все относительно»; «относительно»; «смотря откуда смотреть»; «смотря относительно чего брать точку отсчета»; «смотря какая точка отсчета»; «зависит от того, что взять за точку отсчета»; «если взять в подробности теорию относительности, то да»; «относительно Земли Солнце движется вокруг нас»; «да, если брать по физике относительно Земли» и т. д. Так, расхожее выражение «все относительно», представляющее собой вульгаризацию научного принципа относительности, де-факто воспринимается студентами в качестве формулировки этого фундаментального принципа физики. Здесь явно сказывается отсутствие минимально необходимого знакомства с основами специальной теории относительности, что, впрочем, выглядит вполне логичным следствием общего состояния естественно-научной составляющей современного школьного образования. Кроме того, подобные факты свидетельствуют о когнитивном релятивизме данных студентов.

Наконец, еще одна любопытная деталь. В незнании ответа на вопрос о том, какие научные идеи и теории лежат в основе современных мобильных телефонов, компьютеров, плазменных телевизоров, признались только 12 студентов (19 %). Можно предположить, что они осознают свое незнание, т. е. способны к рефлексии, оценке уровня своих знаний. Большинство же – 36 студентов (58 %) – вообще не ответили ничего, демонстрируя тем самым не только недостаточную грамотность, но и отсутствие самооценки, индифферентность к вопросам, касающимся проблем науки. Один студент написал, что в основе современных гаджетов лежит теорема Пифагора. Думаем, что это шутка, которая, однако, не может не настораживать, поскольку свидетельствует о явных просчетах в школьном образовании, общем развитии в целом. Важно также отметить, что практически все ответы являются не вполне определенными, а порой и противоречивыми как по форме, так и по содержанию.

В целом характер и качество ответов, несомненно, отражают «мозговую сумятицу», характерную для клипового мышления. Уклончивые ответы давались даже на вопросы, требующие четкого и однозначных «да» или «нет»: 1) «иногда», «частич-

но», «немного», «возможно», «сомневаюсь», «верю в гороскопы, если хорошие»; 2) «смотря когда», «смотря где», «смотря откуда смотреть», «все относительно»; 3) «средне», «и да, и нет», «50 на 50», «нейтрально»; 4) «сложно ответить», «трудно ответить», «не знаю». Подобная ситуация определенно свидетельствует об инфантильности, недостаточном развитии логической составляющей мышления, что является яркой иллюстрацией справедливости тезиса В. С. Стёпина о том, что клиповое мышление становится типичным.

Важно подчеркнуть, что большинство студентов не доверяют псевдонаучным концепциям, однако настораживает, что пятая часть опрошенных воспринимает их всерьез. И немудрено, ведь информационные передачи, посвященные экстрасенсам (например, «Битва экстрасенсов»), гороскопам и подобным темам, занимают заметную, а иногда и львиную долю всего телеэфира. Простой анализ содержания телепередач за любую неделю, а также большинства молодежных газет показывает, что идет активное и систематическое распространение подобной информации. Так происходит формирование неадекватного мировосприятия у рядового обывателя, его информационная дезориентация.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) просчеты в когнитивной социализации ведут к инфантильности молодежи и распространению внерациональных форм мировосприятия, стойкость которых говорит об их архетипических корнях;

2) отсутствие четкого научного мировоззрения и когнитивный релятивизм ведут к неадекватной интерпретации научных достижений, возрождению интереса к архаическим формам знания (магии, астрологии);

3) гносеологическая дезориентация связана порой с отсутствием должной пропаганды науки, а также основ конфессиональной культуры;

4) широкое распространение клипового мышления связано не только с аудиовизуальными средствами информации, но и с недостатками школьного образования, проблемами формирования системного мышления;

5) для адекватного усвоения и фиксации научных достижений необходимо «заземлить» школьное образование, сделать его более живым, понятным и интересным;

6) школьное образование должно демонстрировать связь науки с современными технологиями и техническими новинками;

7) необходимо развивать диалог науки и религии в целях борьбы со всеми проявлениями псевдонауки.

Культурная миссия науки и массовое сознание

Увеличивающийся разрыв между современными технологиями и обыденным знанием (познанием) становится особенно опасным на фоне наблюдаемой экспансии псевдонауки. На заседании круглого стола «Псевдонаучное знание в современной культуре» В. А. Лекторский эксплицировал ряд проблем, обусловленных данной ситуацией в культуре: размывание идентичности науки, торжество игрового отношения к жизни, взламывание самого фундамента культуры, утрата культурной миссии науки [13, с. 3–7]. Культурная миссия науки состоит в своевременной диагностике ситуации в обществе, а также в экспертной оценке состояния массового сознания (обыденного познания), необходимых профилактических рекомендациях, создании «рецептов» борьбы с псевдонаукой.

Размышляя над состоянием науки и массового сознания в современном постиндустриальном обществе, известный белорусский физик Л. М. Томильчик подчеркивал важное значение «ранней диагностики» псевдонауки, желательно еще на стадии постановки исследовательской задачи. Исследователь отмечал одну характерную особенность восприятия науки общественным сознанием: «Возникла парадоксальная ситуация. Современная цивилизация, обладающая всеми благами, открытыми ей наукой, акцентирует внимание на негативных последствиях ее “нецелевого” использова-

ния. Это, в частности, затрагивает общественный статус ученого, в том числе и материальный. <...> К сожалению, в глазах обывателя наука выглядит непомерно дорогой. Если не прилагать должных усилий к формированию адекватного образа науки в общественном сознании, особенно у тех, кто принимает решения, то падение ее престижа в общемировом масштабе грозит необратимыми последствиями [14, с. 59–60]. Вот что А. Эйнштейн говорил о важности контакта между массами и интеллектуалами: «Ни в коем случае нельзя терять контакт между массами и интеллектуалами. Он необходим для возвышения общества и ничуть не в меньшей мере – для восстановления сил работника умственного труда, ведь цветок науки в пустыне не вырастет» [15, с. 48].

Анализируя причины распространения псевдонаучных знаний, Л. М. Томильчик выделял проблемы современной системы образования: «К большому сожалению, появление новых лжетеорий в определенной мере подпитывает и сложившаяся система образования. <...> Казалось бы, горизонты познания физики давно раздвинули наше понимание мира. Мы в XXI веке, когда создаются мощные ускорители элементарных частиц, планируются так называемые ТОКАМАКи, работа и быт заполнены компьютерными системами различных уровней и габаритов. Но в школьной программе... квантовая физика и специ-

альная теория относительности – нечто необычное и с трудом согласующееся со здравым смыслом. <...> Рассмотреть “свет истины” сквозь шоры массового образования непросто» [16, с. 93].

На фоне общего изменения экономического статуса науки, ее места в общественном сознании наметилисьстораживающие тенденции в процессе высшего образования. По выражению профессора Л. М. Томильчика, усугубился «процесс посерения среднего студента»: «Мы рассчитываем на дальнейший прогресс науки и очередные открытия. Вообще говоря, открытие, как и изобретение чего-то совер-

шенно нового, – это превышение над фоном. Чем выше общий фон знаний, тем выше по абсолютной шкале будет стоять открытие. Поэтому понижение фона – очень опасная тенденция» [16, с. 94].

По нашему мнению, именно обыденное познание, как процесс постижения шаблонов поведения, стереотипов мышления и деятельности, является своеобразным индикатором состояния гносеологической социализации в обществе, уровня освоения и фиксации научных достижений. Пути формирования обыденного познания вскрывают алгоритмы социализации в целом [17, с. 40–43].

Школьное образование и проблемы пропаганды науки

В настоящее время разрыв между достигнутым уровнем науки, ее реализацией в технике, в том числе бытовой, и преподаванием в школе достиг недопустимых масштабов. В школьном образовании до сих пор в качестве нормообразующих моделей физического знания выступают ньютоновские представления, в то время как даже предметы повседневного обихода (телевизоры, компьютеры, мобильные телефоны и т. п.) работают на квантово-релятивистских принципах. Налицо беспрецедентно большой отрыв не только современной науки от ее преподавания в школах, но и обыденного познания от научного. Это обстоятельство говорит о недооценке роли и значения науки как одной из высших ценностей цивилизации, о непонимании многоплановой связи между достижениями науки и техническими комплексами, такими как, например, АЭС и БАК.

Перед школьным образованием возникает задача не просто «приземлить» современную науку, связать ее с обыденным познанием, жизнью и соответствующими разделами образования, но и продемонстрировать, что квантово-релятивистские представления по существу ближе к обыденному познанию и здравому смыслу, чем ньютоновские. Так, известный белорусский физик Е. А. Толкачев «парадоксальное» двойственное «поведение» электрона (корпускулярно-волновой дуализм) удачно сравнивает с хорошо знакомой каждому житейской ситуацией, когда один и тот же человек при одних обстоятельствах оказывается добрым, а при других – злым.

Безусловно, обыденному познанию, как и массовому сознанию в целом, присущ синкретизм, т. е. смешение разнородных знаний и мнений, отсутствие логики и системности. Поэтому одна из важнейших задач образования – структурирование имеющихся знаний, «отделение зерен от плевел», избавление от ошибочных представлений, заблуждений, предрассудков и суеверий и формирование у людей системного мышления, адекватного реальности мировоззрения, осмысленной научной картины мира. В этом смысле образование выступает

в качестве своеобразного проводника, «переводчика», интерпретатора, пропагандиста и популяризатора научного знания, определяет уровень ассимиляции научных знаний [18, с. 56]. Необходимы соответствующие «профилактические мероприятия» в сферах образования, обыденного познания и СМИ. В этом отношении особенно велика роль школьного образования и соответствующей подготовки учителей в целях выработки у учащихся необходимого иммунитета к восприятию псевдонаучного знания. Вообще хорошие ученики бывают только у хороших учителей, любящих и знающих свое дело. Поэтому встает вопрос о качестве профессиональной подготовки учителей средних школ и необходимости их переподготовки в соответствии с требованиями времени для формирования адекватного образа науки у современных школьников.

К сожалению, в настоящее время пропаганда науки в СМИ и интернете по объему и интенсивности значительно уступает пропаганде псевдонаучных взглядов. Конечно же, пропаганда науки – дело очень тонкое, это не столько умение, сколько искусство. Понятия «научность» и «популярность» фактически представляют собой пару взаимно дополнительных категорий: образно говоря, чем больше популярности, тем меньше научности, и наоборот – предельно строгая научность фактически исключает популярность.

Выдержать оптимум, отыскать золотую середину – трудная задача, которая относится к сфере особого искусства, которым владеют, к сожалению, очень немногие. Тем не менее проблема существует, и ее решение является исключительно важным условием для формирования адекватного образа науки в общественном сознании. Поиск путей ее решения – это актуальная задача, стоящая в первую очередь перед общеобразовательной школой и современными СМИ, в том числе перед руководителями газетных, научно-популярных изданий и телепередач, роль которых в процессе социализации личности, в условиях современного постиндустриального общества возрастает ускоряющимися темпами.

Подводя итоги, отметим, что на формирование образа науки в общественном и индивидуальном сознании влияют не только специфика обыденного познания, его двойственность и противоречивость, особенность житейских эталонных образцов субъекта обыденного познания, воздействие виртуальной и технической реальности на механизм восприятия мира вообще и мира культуры и технологий в частности, но и качество нынешнего, прежде всего общего, школьного образования, уровень пропаганды науки и своевременной диагностики

псевдонауки. Учет амбивалентности процесса обыденного познания, его программирующего воздействия на характер восприятия научного и псевдонаучного знания необходим не только в контексте существующих глобальных кризисов и рисков, но и в плане современных реалий в целом. Обыденное познание определяет процесс постижения шаблонов поведения, стереотипов мышления и деятельности, отражает состояние гносеологической социализации в обществе, уровень освоения и фиксации научных достижений.

Библиографические ссылки

1. Дождикова Р. Н. К вопросу об аксиологических основаниях обыденного познания // *Вопр. философии*. 2013. № 2. С. 33–41.
2. Касавин И. Т., Шавелев С. П. Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004.
3. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
4. Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Дубровский Д. И. и др. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» // *Вопр. философии*. 2017. № 1. С. 5–38.
5. Стёпин В. С. Философская антропология и философия культуры. М. : Акад. проект : Альма Матер, 2015.
6. Дождикова Р. Н. Категория «образ жизни» и ее значение в социальном познании // *Вестн. БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права*. 1987. № 2. С. 36–38.
7. Дождикова Р. Н. Обыденное познание и его особенности // *Вестн. БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2010. № 2. С. 30–34.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979.
9. Золотухина-Аболина Е. В. Здравый смысл и иррациональное // *Эпистемология и философия науки*. 2016. Т. XLVIII, № 2. С. 176–192.
10. Стёпин В. С. О методологических подходах к анализу социального познания // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия*. 2014. № 3. С. 3–10.
11. Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. СПб. : Андреев и сыновья, 1993.
12. Стёпин В. С. Философские беседы: десять лет спустя // *Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В. С. Стёпина*. М., 2014. С. 23–74.
13. Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Зотов А. Ф. и др. Псевдонаучное знание в современной культуре. Материалы «круглого стола» // *Вопр. философии*. 2001. № 6. С. 3–31.
14. Томильчик Л. М. Наедине с собой // *Наука и инновации*. 2011. № 4 (98). С. 57–61.
15. Эйштейн А. Мир, каким я его вижу. М. : АСТ, 2016.
16. Михайловская С. У истоков гениальности // *Беларус. думка*. 2012. № 1. С. 90–96.
17. Дождикова Р. Н. Обыденное познание: структура и пути формирования // *Социология*. 2016. № 2. С. 34–44.
18. Дождикова Р. Н. Эволюция обыденного познания и некоторые проблемы постнеклассического образования // *Вопр. философии*. 2015. № 3. С. 55–62.

References

1. Dozhdikova R. N. On the axiological basis of everyday cognition. *Vopr. filos.* [The issues of the philos.]. 2015. No. 2. P. 33–41 (in Russ.).
2. Kasavin I. T., Schavelev S. P. Analiz povsednevnosti [The analysis of alltdglichkeit]. Moscow : Kanon+, 2004 (in Russ.).
3. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie [Theoretical knowledge]. Moscow : Progress-Traditsiya, 2003 (in Russ.).
4. Lektorsky V. A., Pruzhinin B. I., Dubrovsky D. I., et al. «Realistic turn» in contemporary epistemology, philosophy of mind and philosophy of science? Materials of «Round table». Participants. *Vopr. filos.* [The issues of the philos.]. 2017. No. 1. P. 5–38 (in Russ.).
5. Stepin V. S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury [Philosophical anthropology and philosophy of culture]. Moscow : Akad. proekt : Alma Mater, 2015 (in Russ.).
6. Dozhdikova R. N. [The category of «life style» and its significance in social cognition]. *Vesnik BDU. Ser. 3. Gistoryja. Filasofija. Navukovy Kamunizm. Jekanomika. Prava* [The j. of the Belarus. State Univ. Ser. 3, History. Philos. Sci. communism. Econ. Law]. 1987. No. 2. P. 36–38 (in Russ.).
7. Dozhdikova R. N. Special features of everyday cognition. *Vesnik BDU. Ser. 3. Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava* [The j. of the Belarus. State Univ. Ser. 3, History. Phylos. Psychol. Political Sci. Sociol. Econ. Law]. 2010. No. 2. P. 30–34 (in Russ.).
8. Minsky M. Freimy dlya predstavleniya znaniy [A framework for representing knowledge]. Moscow : Energiya, 1979 (in Russ.).
9. Zolotukhina-Abolina E. V. [Common sense and irrational]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. 2016. Vol. XLVIII, No. 2. P. 176–192 (in Russ.).

10. Stepin V. S. [On the methodological approaches to the social cognition analysis]. *Vestnik Mosk. Univ. Ser. 7, Filos.* [The J. of Mosc. Univ. Ser., Philos.]. 2014. No. 3. P. 3–10 (in Russ.).
11. James W. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* [The varieties of religious experience]. Saint Petersburg : Andreev i synov'ya, 1993 (in Russ.).
12. Stepin V. S. [Philosophical talks: ten years ago]. In: *Nauka i sotsial'naya kartina mira. K 80-letiyu akademika V. S. Stepina* [Science and social picture of the world. To 80-years of academic V. S. Stepin]. Moscow, 2014. P. 23–74 (in Russ.).
13. Lektorsky V. A., Pruzhinin B. I., Zotov A. F., et al. [Pseudo-scientific knowledge in modern culture. Materials of «Round table»]. *Vopr. filos.* [The issues of the philos.]. 2001. No. 6. P. 3–31 (in Russ.).
14. Tomilchik L. M. [Alone with myself]. *Nauka i innovatsii* [Sci. & innov.]. 2011. No. 4 (98). P. 57–61 (in Russ.).
15. Einstein A. *Mir, kakim ya ego vizhu* [The world as I see it]. Moscow : AST, 2016.
16. Mikhailovskaya S. [At the cradle of genius]. *Belarus. dumka* [Belarus. thought]. 2012. No. 1. P. 90–96 (in Russ.).
17. Dozhdikova R. N. [Everyday cognition: its structure and ways of formation]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2016. No. 2. P. 34–44 (in Russ.).
18. Dozhdikova R. N. [The evolution of everyday cognition and some problems of post-non-classical education]. *Vopr. filos.* [The issues of philos.]. 2015. No. 3. P. 55–63 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 21.12.2017.
Received by editorial board 21.12.2017.